

Когда А-Эр проснулся, в лицо ему ударил густой, дразнящий аромат — запах горячей рисовой каши, сваренной с нежным, тающим во рту мясом.

Из кухни доносилось тихое, мерное звяканье посуды.

Дом был огромным — целых пять этажей. Двери почти всех комнат были заперты на замок, а связка ключей хранилась у старшего брата. Спальни А-Эра и Дзина находились на втором этаже, кухня — на первом. По всем законам логики на таком расстоянии почувствовать запахи с кухни он просто не мог.

Но чувства этого тела отличались поразительной остротой. К тому же душа А-Эра, привыкшая в прошлой, межзвёздной жизни к безвкусным питательным растворам, тосковала по нормальной еде. Проснувшийся аппетит буквально заставил все органы чувств обостриться до предела, улавливая тончайшие оттенки кулинарных ароматов.

Еду в доме всегда готовил Дзин Куросава. Кулинарным талантом он не блестал: готовил просто, без изысков, но при этом добротнo — мясо прожаривал как надо, и у него почти никогда ничего не подгорало. Врождённый перфекционизм не позволял ему отвлечься от плиты ни на секунду.

Разумеется, домашней стряпне было далеко до шедевров ресторанных шеф-поваров, но глупо требовать невозможного от мальчишки, который изо дня в день в одиночку готовил на двоих. К счастью, А-Эр привередливостью не отличался. Для него любая горячая, приправленная специями пища уже казалась вершиной кулинарного искусства.

Сонную слабость и ломоту в теле как рукой сняло. Мальчик пулей скатился с кровати и, сохраняя привычную маску полного безразличия на лице, беззвучной тенью скользнул по лестнице вниз.

Дзин, как раз помешивавший в кастрюле рисовую кашу со свининой и яйцом, услышал за спиной шаги и недовольно фыркнул.

Он не считал, что разбаловал или испортил брата. Да, из-за полного отсутствия общения с внешним миром — с самого рождения А-Эр разговаривал только с ним — младший рос замкнутым. Мальчик мог часами сидеть, уставившись в одну точку и полностью погрузившись в собственные мысли. Он ни разу не переступал порог этого особняка, не проявлял ни малейшего интереса к тому, что происходит за его стенами, и был лишён свойственной детям живости и любопытства.

Однако стоило Дзину взяться за готовку, как А-Эр тут же бесшумно прибежал на кухню, напоминая голодного бельчонка, вынюхивающего орехи.

Совсем как сейчас.

Наспех умывшись, ребёнок уже сидел за столом в предвкушении завтрака и преданно, словно голодный птенец, не сводил глаз со старшего брата.

Привыкший заботиться о младшем, Дзин машинально налил кашу в его тарелку.

Зная, что у А-Эра слишком чувствительный язык и он вечно обжигается, Дзин наполнил пиалу лишь наполовину, чтобы остыло быстрее. Он отодвинул порцию чуть дальше от края стола и строгим взглядом велел брату не торопиться.

Дзин прижал ладонь к его лбу и, убедившись, что жар спал, недовольно нахмурился:

— Живо иди наверх и надень куртку. Если снова разболеешься, возиться с тобой я не собираюсь.

На улице стояло тёплое время года, и мальчик прибежал в одной пижаме. Но поскольку он только-только перенёс тяжёлую болезнь и всё ещё был слаб, Дзин всерьёз опасался, что лёгкий сквозняк уложит его обратно в постель.

А-Эр отличался покладистым нравом. Пусть его и манил аппетитный запах завтрака, он безропотно поднялся в свою комнату, натянул тёплую кофту и лишь после этого вернулся к столу.

Одежду сыновьям всегда покупал отец. Каждые несколько месяцев в особняк доставляли огромные коробки с детскими вещами. Тот явно не утруждал себя выбором: просто скупал новинки сезона, подходившие по размеру.

Среди обновок порой попадались излишне яркие или розовые вещи, которые Дзин с брезгливой гримасой тут же перекладывал в шкаф младшего. Сам он с ранних лет признавал исключительно чёрный цвет и строгий, классический стиль.

Впрочем, против того, чтобы нелепые наряды носил брат, он ничего не имел. Правда, разница в возрасте между ними составляла около шести-семи лет. Из-за разницы в комплекции вещи старшего были А-Эру безнадёжно велики, так что большая часть «подарков» Дзина мёртвым грузом лежала на самых нижних полках гардероба.

Обычно после еды посуду мыл А-Эр.

Дзин терпеть не мог это занятие: от вида мыльных разводов и капель воды, летящих на одежду, у него на лбу вздувались вены. Едва младший брат достаточно порос, Дзин обучил его нехитрому делу и с чистой совестью переложил эту обязанность на его плечи.

А-Эр не возражал. Раз Дзин готовит, то за ним уборка — всё честно.

Но сейчас, помня о недавней лихорадке брата, Дзин со вздохом усадил его обратно на стул и с мрачным видом сам поплёлся к раковине.

В конце концов, если А-Эр опять сляжет с температурой, возиться с ним придётся именно ему.

Закончив с делами, Дзин ушёл к себе читать, а А-Эр уютно устроился на диване перед телевизором. В эфире шли детские передачи. Иногда старший брат от скуки садился рядом, но быстро уходил, ворча, что подобные глупости смотреть невозможно.

Бытие определяет сознание. Несмотря на то что в детском теле скрывалась вполне взрослая душа, сохранившая воспоминания о прошлых перерождениях, А-Эр ловил себя на том, что искренне увлекается мультфильмами.

[Система: «Звучит так, будто во взрослой жизни тебя не тянет на детские мультики».]

А-Эр мысленно показал ему средний палец. В реальности делать этого не стоило: Дзин не терпел грубых жестов. Когда в прошлый раз он застукал брата за демонстрацией неприличного жеста пустому месту (где на самом деле висело диалоговое окно Системы), то читал ему лекцию о хороших манерах добрых полчаса.

Когда серия подошла к концу, А-Эр с удовлетворением заглянул в полупрозрачное меню: показатель Интеллекта предсказуемо вырос. Продолжить просмотр не удалось — время детского блока подошло к концу, и по телевизору пустили скучные новости.

Обычно в эти часы он ложился спать, но за последние пару дней он и так проспал слишком долго. Сон не шёл.

Мальчик лениво перевёл взгляд на входную дверь.

На самом деле внешний мир его манил. Но стоило ему предпринять попытку исследовать карту за пределами дома, как он неизменно натёкался на невидимую преграду — пресловутую текстурную стену.

[Система пояснила, что у персонажа критически низок параметр Активности. Из-за этого игра автоматически присвоила ему черту «Интроверт», запрещающую покидать жилую зону. Пределом его воли оставался лишь прилегающий к особняку внутренний сад.]

Чтобы поднять этот статус, требовалось отыгрывать роль согласно сюжету, создавая для своего аватара логичную мотивацию выйти наружу.

А-Эр пока не разобрался в тонкостях механики, а потому примерял на себя роль фарфоровой куклы, запертой в четырёх стенах.

На данный момент список доступных действий выглядел удручающе скудно:

Во-первых, можно было пойти в комнату к брату и подействовать ему на нервы, за что с высокой долей вероятности последовал бы очередной нагоняй.

Во-вторых — погулять в саду. Это укрепляло Телосложение и помогало быстрее всего раскачать Активность.

В-третьих — стащить из шкафа какую-нибудь книгу и засесть за чтение ради прибавки к Интеллекту.

Высокий уровень интеллекта А-Эру, конечно, не помешал бы, но он выбрал самое простое — включил режим автоматического управления телом.

Пока физическая оболочка бездумно бродила по дому, сам игрок сладко устроился в игровом пространстве, уставившись в виртуальный экран вместе с Системой досматривать прерванный мультфильм.

Будь здоровье его игрового персонажа покрепче, он бы непременно вытребовал у Системы порцию картошки фри, гору хрустящих крылышек и ледяную колу, чтобы устроить идеальный киносеанс.

Ближе к вечеру А-Эр вернулся в реальность и отключил автопилот. Он сел на диван, вдыхая доносившиеся из кухни дразнящие ароматы и предвкушая ужин.

На экране мелькали кадры новой сказки. Шум кухонной вытяжки заглушал голоса персонажей, но яркая картинка всё равно полностью поглощала внимание мальчика.

Увлёкшись просмотром, он упустил из виду тихие шаги на пороге. Щёлкнул замок, дверь распахнулась, и А-Эр встретился взглядом с высоким серебряноволосым мужчиной, который замер на входе, явно не ожидая увидеть мальчика.

«Это ещё кто?»

Сколько А-Эр себя помнил в этой жизни, он безвылазно сидел в особняке и не встречал никого, кроме Дзина. Появление третьего человека заставило его буквально оцепенеть от удивления.

В ту же секунду из кухни выскочил Дзин. На нём был нелепый кухонный передник, но в руках мальчик сжимал настоящий огнестрельный пистолет. Дзин мгновенно вскинул оружие, целясь

в незваного гостя, однако, разглядев лицо вошедшего, замер в замешательстве.

— Отец?

Их отец, Сиро Куросава, едва заметно кивнул в ответ. Несколько секунд он молча разглядывал А-Эра — так, словно надеялся увидеть в его чертах кого-то другого. Наконец, совладав с нахлынувшими чувствами, он отвёл сложный, полный скрытой горечи взгляд.

Лишь сегодня утром до Сиро дошло письмо от старшего сына с известием о тяжёлой болезни А-Эра. И хотя мальчик уже шёл на поправку, отец не выдержал: отложил все дела и лично приехал навестить детей, а заодно — объявить о важном решении.

— Поговорим, когда вы закончите ужинать, — сухо бросил он.

Дзин молча опустил пистолет. Скользнув хмурым взглядом по застывшему брату, он скрылся на кухне, чтобы довести ужин до готовности.

Отец опустился на диван рядом с А-Эром. Дзин рос его точной копией, однако взгляд Сиро отличался от холодного прищура старшего сына. В глазах мужчины тлело тихое, подавленное безумие. Некоторое время они сидели в полном молчании, пока Сиро наконец не заговорил первым:

— Как тебе здесь живётся?

Он спросил это настолько тихо, что слова едва не потонули в шуме работающей вытяжки.

— Вроде неплохо?.. — растерянно отозвался А-Эр.

«Внешний мир, конечно, заблокирован дурацкими системными ограничениями, но бездельничать в тепле и сытости — не самый плохой вариант».

Отец помолчал, переваривая ответ, а затем глухо произнёс:

— Вот и славно.

В его тоне сквозило нечто неподъёмно-тяжёлое. А-Эр не мог до конца расшифровать эту гамму чувств, но интуитивно улавливал в ней глубокую боль, тоску и щемящее отчаяние. И в то же время мужчина выглядел искренне облегчённым от простого, брошенного невпопад ответа.

«Странный тип».

А-Эр мысленно усмехнулся, хотя сам в плане нормальности ушёл недалеко.

Появление Дзина, бесстрастно водрузившего на стол тарелки с дымящимся ужином, положило конец неловкому разговору.

Разумеется, порции для незваного гостя Дзин готовить не стал — на столе красовались привычные две тарелки. Никто из троих не усмотрел в этом неуважения. Обычные нормы приличия в этом доме попросту не работали.

Окажись на их месте посторонний наблюдатель, он наверняка пришёл бы в ужас от столь диких и холодных семейных уз.

Когда с ужином было покончено, Сиро повернулся к старшему сыну:

— Твоя задача по уходу за А-Эром выполнена успешно. Пришло время отправить тебя на базу Организации для прохождения подготовки. За тобой приедут ровно через месяц. Начинай собираться.

Он перевёл тяжёлый взор на младшего и добавил:

— Его ты заберёшь с собой.

— Он тоже едет? — Дзин нахмурился.

— Да, — лаконично отрезал Сиро.

Он не стал утруждать себя лишними объяснениями и уж тем более не собирался играть в любящего родителя. Мужчина поднялся и направился к выходу. Казалось, весь этот визит затевался исключительно ради того, чтобы лично убедиться в сохранности младшего сына и отдать короткий приказ старшему.

А-Эр впервые за всё время нахождения в этом теле увидел кого-то, кроме Дзина. Осознание того, что перед ним стоял их кровный отец, пробудило в душе мальчика законный интерес.

В отличие от спокойного брата, Дзина охватила глухая тревога. Он давно знал, что его путь лежит в недра Черной организации, и ничуть не противился этому. Напротив, подобная участь казалась ему единственно верной.

Его пугало то, что забрать придётся и А-Эра. Дзин полагал, что болезненного и слабого ребёнка оставят в покое хотя бы на несколько лет, а возможно, и вовсе избавят от этой доли. Но жестокая реальность обрушилась на него внезапно: им велено уезжать вдвоём уже через месяц.

Выдержит ли А-Эр суровые тренировки? Дзин не сомневался: в колыбели убийц хрупкого ребёнка ждёт сущий ад.

«Если он погибнет на первом же этапе... Если его сломают и замучают чужие руки...»

Тёмное, удушливое чувство собственности, смешанное со страхом потерять контроль над тем, что безраздельно принадлежало ему одному, вновь затопило разум Дзина волной ярости.

Дзин с трудом сдерживал клокочущее желание убивать. Он вперил тяжёлый, немигающий взор в младшего брата, который даже не подозревал, какая гроза над ним нависла.

А-Эр был так беззащитен и слаб перед ним. Дзину стоило лишь протянуть руку, чтобы прямо сейчас сомкнуть пальцы на тонкой шее и прекратить эти мучения раз и навсегда.

«Если его всё равно заберут и уничтожат чужаки, то пусть лучше это сделаю я...»

Одержимый перфекционизмом подросток не осознавал пугающей истины: он настолько не выносил мысли о провале порученной ему миссии, что готов был лично уничтожить её плоды, лишь бы они не достались никому другому.

В его извращённом понимании А-Эр давно стал гораздо важнее самого задания.

<http://bllate.org/book/18335/1760530>